

Михаил Александрович Вербов — явление удивительное даже для нашего суетного времени. Кажется, он весь принадлежит ушедшей эпохе — дворянин, аристократ, один из последних могикан классической, академической живописи, любимый и последний из ныне живущих учеников великого Репина. И в то же время он несколько не архаичен — ни в своих воззрениях, ни в творчестве, ни в жизни.

Вербов — академик, убежденный, воинствующий реалист, отстаивающий принципы реалистического искусства с открытым забралом. 18 лет подряд на посту вице-президента Всеамериканской лиги профессиональных художников, он борется за предоставление художникам-реалистам тех же прав и привилегий, что и авангардистам, за справедливое распределение стипендий и премий между представителями всех направлений в искусстве.

Авангардистов Вербов не жалуется. У него своя теория происхождения авангардизма как художественного течения. Он считает, что авангардизм возник из шутки, из пародии на реализм, что в его основе лежала мистификация, эпатаж общественного мнения и, конечно, стихийный протест против реалистического искусства. Не вина авангардистов, а вина критиков, что они не разглядели пародийной сути нового течения, а приняли его всерьез и возвели в культ — со всеми вытекающими последствиями.

Художническая карьера Вербова началась 5 января 1914 года, когда Корней Чуковский почти насильно толкнул оробевшего юношу в святая святых — мастерскую Репина. Великого художника заинтересовали его работы, и он начал с ним заниматься по средам. Вербов приносил в Пенаты сделанное за неделю, и Репин придирчиво и строго просматривал все и делал замечания. Так продолжалось три года. Конечно, Вербов был неприменимым участником репинских сред.

Родители Миши не хотели видеть его художником. Они прочили ему карьеру оперного певца (у юноши был великолепный голос) или, на худой конец, адвоката. «Плохого адвоката скоро забудут, — говаривал отец, — в то время как картины плохого художника будут все время напоминать о нем людям». К счастью, он ошибся. Именно не кто иной, как Репин, настоял, чтобы Вербов избрал профессию художника. Авторитет его был столь велик, что родители не перечили.

Репин же советовал Вербову поехать учиться за границу, что Михаил Александрович и осуществил в 1924 году с превеликими трудностями и



М. Вербов. Портрет Ивана Бунина. Париж, 1951 год.

благодаря счастливому стечению обстоятельств.

«Когда поезд пересек границу, — вспоминает Вербов, — я, непьющий человек, вошел в вагон-ресторан и залпом выпил две рюмки водки».

Перебравшись из Германии в Париж, Вербов завязал многочисленные творческие связи. Его популярность как портретиста росла, и ему позировали многие знаменитости. Слава, как и предсказывал Репин в письме, «не замедлила его найти».

В Нью-Йорке, куда Вербов переехал в 1933 году, он утвердил себя в амплуа «живописца королей». И в самом деле, не многим художникам так везло на коронованных особ. Некоторых из них: Кароля, короля румынского, Густава Шведского, герцога Альбу — он писал по несколько раз. Портрет последнего испанского короля Альфонса купил герцог Альба, поскольку Альфонс был к этому времени уже низложен. Портрет самого герцога Альбы Вербов подарил музею Прадо. Он — единственный живой художник, представленный в этом всемирно известном музее. Его имя выбито на мемориальной доске в числе других знатных дарителей.



М. Вербов. Портрет Ф. Шаляпина в роли Бориса Годунова. Париж 1925 год.

**«Кажется,  
он весь принадлежит  
ушедшей эпохе...  
и в то же время  
он несколько не архаичен...»**

## К 65-летию творческой деятельности М. А. Вербова

Когда Михаила Александровича спрашивают, как ему удавалось так запросто проникать к королям, он отшучивается: «Это очень просто: я прихожу во дворец, разгоняю телохранителей, хлопаю короля по плечу и говорю: Хелло!»

Портреты русских писателей, артистов, музыкантов представляют блестящую страницу в истории русской культуры. Вербову довелось писать Бунина, Шаляпина, Гречанинова, Сумбатову-Южину, Алданова, Илью Остроухова, Мозжухина и многих других.

Интересна история бунинского портрета.

Прежде портрета я увидела на стене фотографию Бунина с надписью: «Я здесь — чудовище, на портрете — прелесть». У меня не было возможности сравнить, и я не могу судить, насколько Вербов польстил Бунину, но думаю, что нелегкий, деспотичный характер художника схвачен и явлен Вербовым без всякой лести, так же, как его несомненный талант.

На меня глядело тонкое, желчное аристократическое лицо. Светлоглубые, прозрачные глаза смотрели строго. Отложной воротничок рубашки не скрывал старческой, морщинистой шеи. Это был Бунин 1951 переживший апогей своей славы и давно раздавший последние тысячи своей Нобелевской премии. Меня поразило, что правая рука Бунина отнесена в сторону, словно не помещалась на полотне. Вербов объяснил: «Это потому, что он не разрешил мне писать свою кисть». Бунину казалось, что морщинистая старая рука выдает его возраст. Он всегда очень ревниво относился к своей внешности. Вербову понадобилось немало дипломатического умения, чтобы уговорить Бунина позировать, но впоследствии он оказался доволен своей моделью. Взаимопониманию способствовали балык и икра, которые Вербов аккуратно приносил с собой на сеансы. Ну, и, конечно, водку. Бунин не умолкал ни на минуту. Вербов до сих пор жалеет, что не записал остроумных, язвительных замечаний

своего собеседника. Он попросту не мог этого сделать. Но помнит, что досталось всей русской литературе, за исключением Чехова, которого Бунин любил.

«Отрезанная» рука не давала покоя художнику, и недавно Вербов создал новый вариант портрета Бунина, но уже с правой рукой. Новый Бунин значительно моложе, спокойней и благополучней. С лица исчезли морщины, следы желчи и раздражения. (Вот где художник польстил своей модели.) Он даже усадил своего героя на открытой веранде с видом на Ривьеру, памятуя, что Бунин любил Ривьеру. Чего не сделаешь для «любимого дитятка»? Портрет Бунина — для Вербова то же дитя. Правда, он не обиделся на меня, когда я заявила, что старый, злой и больной Бунин мне больше по душе. Второй портрет Бунина получил золотую медаль на выставке Всеамериканской лиги профессиональных художников, что немало порадовало старика.

Вербов — певец прекрасных женщин. Его галерея женских портретов вся уникальна, как и каждый из представленных в ней портретов. Но в личной жизни художнику не везло: он влюблялся в женщин, которые искали богатых и влиятельных мужей; а Вербов, хоть и был знаменит, но богат никогда не был.

«Мои учителя еще в России внушили мне два самых страшных табу: художник не имеет права копировать с фотографий и иметь агента. Считалось, что настоящий художник сам пробьет себе дорогу».

Верность старым заветам вещь хорошая, но новые времена диктуют новые песни. И агент необходим, чтобы работы мастера не остались в мастерской. Работы Вербова рассеяны по многим музеям мира и частным коллекциям, но ему все еще есть что показать, и мастерская художника — не лучшее место для хранения всех этих богатств.

Несмотря на преклонный возраст — Вербову 87 лет, — он бодр, энергичен и полон творческих замыслов, являя пример поразительного творческого долголетия. Он до сих пор поет иногда в Кафедральном соборе, и его густой красивый баритон звучит, как в молодости (кстати, учителем пения его был сам Тито Руффо). Он посещает выставки других художников, но сам выставляет картины редко и осторожно. И очень жаль: ему есть еще что сказать «городу и миру».

БЕЛЛА ЕЗЕРСКАЯ